

Следы до пробуждения

Раньше уже был здесь

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Раньше уже был здесь

<https://litres.ru/74295872>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Ладень есть Обряд Первой Памяти: каждый ребёнок вписывает в Книгу Начал своё самое раннее воспоминание. Но в день обряда Элиан просыпается от шести шагов по потолку — и понимает, что не помнит себя маленького совсем. Кто-то стёр его начало. Пока по городу бродит шестилапый пёс, оставляя следы там, где его ещё не было, Элиан ищет ответ на вопрос, который взрослые прячут за добрыми словами: что по-настоящему твоё — то, что помнишь ты, или то, что помнят о тебе другие? Первая повесть цикла — про право на собственное начало и про то, что даже любящие могут ошибаться, если решают за тебя молча.

Содержание

Глава 1. Чужой почерк	5
Глава 2. Что принадлежит тебе	12
Глава 3. Страница, которая была раньше	19
Глава 4. Дверь без стены	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Денис Пожидаев

Раньше уже был здесь

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

РАΝЬШЕ УЖЕ БЫЛ ЗДЕСЬ

Повесть первая

Глава 1. Чужой почерк

В день Обряда Первой Памяти Элиан проснулся от шести шагов по потолку.

Шаги шли неправильно. Два быстрых, два ровных и ещё два — почти вместе, будто на последнем шаге кто-то сам себя догнал. Потом наступила тишина, и тишина эта была не пустая, а внимательная: она словно ждала, повторит Элиан счёт или промолчит.

Он повторил про себя — два быстрых, два ровных, два вместе. Считать он любил и считал всё подряд: ступени, узлы на бельевой верёвке, сколько раз скрипнет третья доска, если наступить на неё с пятки. От счёта мир делался понятнее. У понятного всегда находилось число.

У этих шагов число было. У того, кто их сделал, — не находилось.

Элиан спустил ноги на холодный край пола, прошёл к окну и толкнул раму. В комнату вошло утро — сырое, деревянное, пахнущее чужими печами и близким дождём. Крыша напротив блестела от росы. На ней не было ни птиц, ни

кошек, ни следов; только водосток тихо считал капли, каждую отдельно, будто тоже не хотел ошибиться.

На подоконнике лежала шерстинка. Одна, дымчато-серая, длиннее кошачьей и мягче собачьей. Элиан взял её двумя пальцами. Шерстинка была тёплой — не как нагретая солнцем вещь, а как вещь, с которой только что встали.

Он знал, что нужно сделать. Нужно спуститься, показать шерстинку Илме и сказать: по потолку кто-то ходил на шести ногах. Тогда Илма отложит всё, позовёт хранителей, и Обряд перенесут — а Обряд переносят только один раз, и следующего ждать целый год.

Элиан сжал шерстинку в кулаке. Сегодня он наконец узнает своё начало. Из-за одной серой шерстинки он ждать не станет.

Он спрятал её в карман и решил, что это не обман, а просто «пока не скажу». Разница казалась ему важной. Позже он поймёт, что именно с таких маленьких разниц всё и начинается. А пока он затворил окно, и в комнате снова стало тихо — той же ровной, внимательной тишиной, что его разбудила.

Внизу пахло горячим хлебом, и от этого запаха комната

казалась меньше и надёжнее.

Илма ставила на стол так, как ставила всегда: хлеб — горячим, молоко — холодным, чтобы одно грело руки, а другое будило. Элиан сел на своё место, обхватил ладонями хлеб и стал ждать, пока тепло уйдёт в пальцы. Это было его личное, ничему не нужное дело: держать хлеб, пока он тёплый, и считать про себя, сколько тепло продержится. Сегодня он досчитал только до девяти.

— Пей молоко, — сказала Илма. — И не оставляй на дне.

— Я оставляю немножко, чтобы молоку не было одиноко, — ответил Элиан.

Он говорил это каждое утро, и каждое утро Илма делала вид, что не улыбнулась. Сегодня она не улыбнулась по-настоящему.

Она поправила полотенце на печи, потом поправила его ещё раз, хотя оно уже лежало ровно. Элиан заметил это, но ничего не сказал.

— Сегодня Обряд, — проговорила Илма, будто он мог забыть. — Ты войдёшь в башню, назовёшь себя, и Книга откроет твою страницу. Ты выберешь первую память и запишешь её. Одну. Свою.

— У меня нет первой памяти, — сказал Элиан. — Я не помню ничего до семи лет.

— Тогда ты запишешь то, что помнишь первым.

— Меня нашли у стены. Это помню не я. Это мне рассказывали.

Илма отвернулась к печи. Спина у неё была прямая, как у человека, который держит что-то тяжёлое и не хочет, чтобы это заметили.

— Что будет, если Книга не найдёт мою страницу? — спросил Элиан.

— Тогда появится новая.

— Точно?

— Так должно быть.

Элиан отставил кружку. На дне он, как всегда, оставил немного молока — но впервые подумал, что дело не в том, что молоку одиноко на дне. Одиноко было чему-то другому, и не на дне кружки, а в этих словах. «Так должно быть» — так не говорят о том, что знают. Так говорят о том, чего хотят, чтобы оно было.

Он не стал спрашивать дальше. Он спрятал этот вопрос туда же, куда утром спрятал шерстинку, — в карман, где уже начинало собираться то, о чём он пока молчал.

После завтрака Илма вытерла руки о передник и сняла с верхней полки коробку, в которую Элиан заглядывал редко. В коробке лежала его первая вещь — деревянная птица величиной с ладонь, с поджатыми крыльями и круглым, чуть

удивлённым глазом.

— Её понесёшь на Обряд, — сказала Илма. — Первую вещь показывают Книге.

Элиан взял птицу. Он держал её сотни раз и всё же сейчас, при утреннем свете, увидел то, чего раньше не замечал — или не хотел замечать. Дерево было светлым и чистым, без тёмных прожилок, какие приходят к вещам с годами. Птица выглядела моложе его самого. А ведь она должна была быть старше: она была его началом.

Он повернул её к окну. По срезу крыла шёл узнаваемый росчерк резьбы — мелкая, ровная насечка, перо к перу. Так резал только Тимень с Кривой улицы. Элиан знал это, потому что считал: у Тименя на каждом крыле выходило ровно по семь насечек, и здесь их было семь. Но Тимень взялся за птиц всего три зимы назад. А про свою первую вещь Элиан слышал куда раньше.

Число не сходилось. У начала не может быть меньше лет, чем у того, кто начался.

Крыло чуть подалось под пальцем. Элиан нажал — и оно отошло, как крышечка, открыв необработанную изнанку. На ней кто-то написал, коротко и твёрдо:

«Не первая. Оставь как первую».

Почерк был чужой. И всё же две-три буквы — «а» с петелькой, наклонная «т» — были выведены точь-в-точь как выводил их он сам, когда очень старался.

За спиной скрипнула третья доска. Элиан узнал её голос

раньше, чем шаги: вернулась Илма. Он прижал крыло на место и сунул птицу под локоть прежде, чем успел решить, за чем прячет.

— Не урони, — сказала Илма, глядя не на птицу, а на его руки.

— Не уроню, — ответил Элиан.

Он и сам не заметил, как соврал во второй раз за одно утро.

У Элиана была своя стена — узкий простенок у двери, куда он прикалывал вопросы. Не ответы, а именно вопросы, на бумажных полосках, каждый на своей булавке. «Где я был до семи лет?» «Почему меня никто не искал?» «Что помнят обо мне те, кто помнит больше меня?» Илма их не снимала. Она вообще не трогала эту стену — так, как не трогают чужой дом.

Он приколот новую полоску. Написал на ней то, что не давало покоя с самого завтрака:

«Кто решил, какая вещь у меня первая?»

Илма остановилась в дверях. Она смотрела на стену дольше, чем смотрят на бумагу, — так смотрят на человека, которого узнали в толпе и не знают, окликнуть или отвернуть-

ся. Потом сняла с крючка шарф и протянула ему.

— Надень. На башне сквозняки.

— Я иду по коридору, — сказал Элиан. — До башни один коридор.

— Коридоры тоже умеют исчезать, — сказала Илма.

Это была из тех её присказок, над которыми они обычно смеялись вдвоём: «заплата вперёд дырки», «скрипит третья», «коридоры умеют исчезать». Элиан ждал, что она улыбнётся, как улыбалась всегда, отдав присказку, — коротко, одними глазами.

Она не улыбнулась.

Он намотал шарф, взял птицу и вышел. Коридор был на месте — обычный, деревянный, с длинной половицей, которая всегда чуть проседала посередине. Элиан не оглянулся.

А если бы оглянулся, то увидел бы, как у самого подоконника, там, где утром лежала серая шерстинка, на полу проступают следы. Шесть маленьких вмятин, одна за другой, от окна к двери — будто кто-то только что прошёл там, где никто не проходил. Но Элиан уже шагал к Обряду и в первый раз в жизни нёс своё начало, зная, что оно — не первое.

Глава 2. Что принадлежит тебе

Площадь Первых Вещей к утру превратилась в ярмарку начал.

По всему её кругу стояли семьи, и у каждой на разложенном платке лежало детство — по кусочкам. Первые башмачки, первые ложки, первые, криво слепленные из глины зверьки. Пахло медовыми узелками: их пекли только к Обрядам, витым тестом, и дети, прежде чем съесть, считали витки — так было заведено, и никто уже не помнил почему.

Считали под старую считалку — тыкали пальцем в узелок за узелком, слово за словом, и на ком останавливалось последнее, чудное словечко «ласт», тот и начинал есть первым. Чудно выходило: в других считалках последнее слово выбивало из игры, а тут — наоборот, делало первым. Доскакал до самого конца — значит, тебе и начинать сначала.

Элиан шёл через площадь, прижимая птицу к боку, и считал вместе со всеми, сам того не замечая.

Ниву он слышал раньше, чем увидел.

— ...и вот ещё туфли, мам, но я же в них не ходила, я их

один раз надела, и всё...

Нива стояла посреди целого войска своих начал. Её семья принесла на площадь так много, что платка не хватило, и часть разложили прямо на брусчатке: первую игрушку, первые туфли, три рисунка, локон в бумажке, тяжёлую семейную книгу и отдельную табличку, на которой было записано её первое слово.

— У меня столько всего, что я уже не помню, что из этого правда, — сказала Нива, увидев Элиана. — Мама помнит моё детство лучше меня. Это нечестно.

— У тебя хотя бы есть из чего не выбирать, — сказал Элиан.

Нива хотела возразить, но посмотрела на его руки — и осеклась.

— А это что у тебя? Птица? — Она наклонилась ближе. — Я у тебя раньше никакой птицы не видела. А я тебя сто лет знаю.

— Это моя первая вещь, — сказал Элиан и услышал, как чуждо прозвучали эти слова.

— Странно, — сказала Нива и пожала плечами, потому что была из тех, кто не держит странность дольше одного вдоха. — Пойдём, у нас корешки.

Корешки давали в кульке, свёрнутом из старой описи, — печёные, с крупной солью, обжигающие пальцы. Элиан держал кулёк и по привычке считал, сколько тепло продержится сквозь бумагу.

— Я решила, что запишу, — сказала Нива с набитым ртом. — Первую память. Как мы с мамой и папой ходили к реке. Красиво же.

— Ты это помнишь?

Нива перестала жевать.

— Помню реку, — сказала она медленно. — И что было далеко. Только... — Она понизила голос, будто признавалась в чём-то стыдном. — Только я шла одна. Я хотела дойти до внешней стены. Одна. А мама с папой прибежали потом. Они меня искали.

— Тогда почему прогулка?

— Потому что они так рассказывают. — Нива сказала это без обиды, даже мягко, как объясняют младшему. — Не потому что врут. Просто им стыдно, что не заметили, как я ушла. Вот и вышло, что мы гуляли. Так лучше.

Элиан смотрел на неё и чувствовал, как в нём что-то тихо совпадает и не совпадает разом. Нивина история была маленькой и понятной. Но у неё была та же форма, что у его собственной, — только своей истории он не помнил вовсе, и рассказывали её не для того, чтобы было лучше. Для чего — он пока не знал.

— Тебе не жалко? — спросил он. — Что твоя первая память — не совсем твоя?

— Она моя, — сказала Нива твёрдо. — Просто у неё два конца. Один мой, другой мамин. — Она слизнула соль с пальца. — Я запишу свой.

Хранители собрали детей у подножия башни. Старшим был Арден Ключ — высокий сухой человек со связкой ключей на поясе, из которых, как говорили, ни один уже не подходил ни к одной двери. Он носил их не затем, чтобы отпираться, а чтобы помнить, где были двери.

— Книга Начал не судит, — сказал Арден спокойным голосом, привыкшим объяснять одно и то же каждый год. — Она не хвалит и не наказывает. Она хранит то, что вы решите в неё вписать. Одно первое воспоминание. Ваше.

— А если я не помню? — спросила Нива, хотя всё уже решила. — Можно написать «не знаю»?

— Можно, — ответил Арден. — Книга не имеет права помнить за тебя.

Элиан поднял руку.

— А чужое свидетельство? Если моя семья помнит обо мне то, чего не помню я, — что важнее?

Арден посмотрел на него внимательнее, чем на остальных.

— Твоё, — сказал он. — Семья свидетельствует. Но начало — не свидетельство. Начало — это ты.

— А бывает, что запись закрывают? — спросил Элиан. Он и сам не знал, почему спросил; вопрос выскочил, как выскакивает из-под ноги камень.

На этот раз Арден ответил не сразу.

— Бывает. Закрытая запись. Её делают только тогда, когда открытая может кому-то навредить. Это редко.

Позади звякнул металл. Элиан обернулся: Илма стояла у края площади и подбирала с брусчатки уроненную бирку. Ничего особенного — выскользнула, подняла. Но, поднимая, она встретила глазами с Арденом, и между ними на миг прошло что-то короткое и старое — как между двумя людьми, которые однажды вместе закрыли дверь и с тех пор не говорят об этом вслух.

Элиан заметил. Элиан не понял. Он только сложил это в тот же карман, где уже лежали шерстинка, вопрос и надпись на крыле.

Входить в башню полагалось по одному. Дети выстрои-

лись, и очередь двигалась медленно — так двигается всё, чего ждали долго и теперь боятся.

— Ты точно ничего не помнишь? — тихо спросила Нива.
— Совсем-совсем?

— Я помню, что мне всё время говорят, что это нормально, — сказал Элиан.

Нива не нашлась, что ответить. Она была из тех, кто не держит странность дольше вдоха, но эту почему-то удержала — и молча сжала ему локоть, коротко, как сжимают, когда не знают слов.

Очередь редела. Дети выходили из башни немного другими — не сильно, но заметно: чуть медленнее, чуть тише, будто оставили внутри что-то маленькое и унесли взамен что-то тяжёлое.

Когда до двери осталось трое, Элиан опустил глаза — и увидел на каменном полу, у самого порога, один-единственный след. Шестилапый, с той же вмятиной, что утром на полу его комнаты. Он был там, где мгновение назад ничего не было.

Элиан моргнул. Следа не стало.

Он не успел решить, показалось или нет. Впереди, в глубине башни, что-то тяжело шевельнулось — так шевелится большое, когда просыпается. Дети замерли. Хранитель у двери обернулся.

Книга Начал открылась сама. Её никто не касался. Она лежала на своём столе в глубине башни и медленно, страни-

ца за страницей, перелистывала себя — назад, к началу, будто искала кого-то, кто ещё стоял в очереди снаружи.

— Следующий, — сказал хранитель, и голос у него был не совсем ровный.

Следующим был Элиан.

Глава 3. Страница, которая была раньше

Внутри башня оказалась меньше, чем снаружи.

Круглая комната, стол посередине, на столе — Книга Начал, огромная, в переплёте цвета тёмного мёда. Рядом перо и чернильница. У стены, на подставке, ждала его деревянная птица: её принимали первой, прежде чем ребёнок. Арден стоял у стола хранителем. А сбоку, за низкой внутренней решёткой, которую запирали на время Обряда, стояла Илма — близко и всё же отдельно, по ту сторону прутьев, как свидетель, которого пустили смотреть, но не вмешиваться.

— Назови себя, — сказал Арден. — Книга откроет твою страницу.

Элиан положил ладонь на холодную обложку. Он много раз придумывал, что почувствует в этот миг. Он думал, будет торжественно. Было просто холодно.

— Элиан, — сказал он.

Книга открылась.

И стала листать — но не вперёд, к чистым страницам, где полагалось лечь новому началу. Она листала назад. Страница за страницей, всё быстрее, вглубь — к тем годам, которых ещё не было, когда Элиана, по всем рассказам, не было тоже.

— Она идёт не туда, — тихо сказала Илма из-за решётки.

Арден не ответил. Он смотрел на Книгу так, как смотрят на знакомого, который вдруг заговорил чужим голосом.

Книга остановилась.

Страница, на которой она замерла, была не такая, как остальные. Её однажды вшивали заново: по краю шли четыре круглых прокола от старого шва, и нитки в них не осталось — только дырочки, как след от того, что когда-то держали крепко, а потом распороли.

Элиан наклонился. На странице стояли даты — несколько, одна поверх другой, будто не могли договориться. Его имя. А ниже — имена свидетелей, но их кто-то вытер, и остались только тени букв, из которых нельзя было сложить ни одного целого имени. В углу был оттиснут шестипалый след. Рядом — маленький рисунок: закрытый карман, зашитый крест-накрест. И внизу, отдельно, знакомым, домашним, тысячу раз виденным на бирках почерком — подпись.

Илма Ровень.

— Такого раздела нет, — сказал Арден. Он сказал это не Элиану и не Илме, а, кажется, самой Книге. — Я знаю эту Книгу тридцать лет. У неё нет страниц раньше первого имени. А эта — раньше.

— Закрой её, — сказала Илма. Голос у неё был ровный, но пальцы уже нашли прут решётки и держались за него. — Арден. Закрой Книгу.

Элиан не отрывал глаз от подписи. Он знал этот почерк лучше собственного. Он видел его каждый день — на бирках, на записках, на кульках. Илма подписала его страницу. Страницу, которой, по её же словам, не могло быть.

— Почему здесь твоё имя? — спросил он.

Илма не ответила.

На пустой части страницы проступали буквы.

Они появлялись не как чернила, которые сохнут, а наоборот — как иней, что проступает на стекле изнутри, из самого стекла. Элиан смотрел, как из ничего собирается строка, слово за словом, и читал её по мере того, как она возникала:

«Я появился тогда, когда Память впервые пожалела о том, что вспомнила».

Он знал этот почерк. Это был его почерк — те же движения, тот же наклон, «а» с петелькой, наклонная «т». Только рука, писавшая это, не старалась, как старался он. Она писала уверенно, привычно — как пишут то, что писали уже много раз.

— Я так не умею, — сказал Элиан вслух, сам не зная кому.
— Я ещё так не умею.

Он протянул руку и коснулся строки.

Под пальцами страница была тёплой, как утренняя шерстинка. А на его ладони, там, где он коснулся, проступила тонкая светлая линия — не порез, не ожог, просто линия света под кожей, повторяющая изгиб первой буквы.

И тогда фраза начала исчезать. С конца, слово за словом, будто кто-то читал её обратно и стирал прочитанное. «...вспомнила». «...пожалела». Буквы уходили в белизну страницы, и белизна оставалась чище, чем была до них.

— Нет, — сказал Элиан. — Стой. Я не дочитал, что это значит.

Он схватил перо, обмакнул и прижал к чистому листу — переписать, пока помнит, пока фраза не ушла совсем. Перо шло по бумаге. Бумага оставалась пустой. Ни следа, ни ца-

рапины — будто чернила забывали себя быстрее, чем успевали лечь.

Тогда Элиан сделал единственное, что оставалось. Он произнёс фразу вслух — всю, целиком, пока она ещё была в нём:

— «Я появился тогда, когда Память впервые пожалела о том, что вспомнила».

И мир услышал.

Звук ушёл первым. Не стало ни шороха свечей, ни дыхания за решёткой, ни капель со стока за стеной — ничего, будто у башни отняли слух. Потом остановились тени: они лежали на полу и больше не двигались за огнём, хотя огонь дрожал. Часы возвращения над дверью — те, что весь Обряд считали вперёд, — дрогнули и пошли назад, стрелка за стрелкой, отдавая обратно минуты. Холод собрался за глазами Элиана, изнутри, там, куда не дотянуться рукой.

Книга захлопнулась сама. Громко. Единственный звук в оглохшем мире.

А в стене за ней, где не было ни двери, ни щели, проступил белый прямоугольник — ровный, без ручки, без петель, просто белое место в тёмном камне, как страница, которую вставили в стену.

— Не снова, — сказала Илма.

Она сказала это тихо, но Элиан услышал — слух возвращался. И услышал ещё одно: из-за белого прямоугольника, из-за двери, которой не было, донеслось короткое, тёплое ур-

чание. Так урчит зверь, который узнал своего и не может дождаться, когда его наконец впустят.

Глава 4. Дверь без стены

Белый прямоугольник менялся. Углы его углубились, поверхность подавалась внутрь — и вот это была уже не заплатка на стене, а дверь: ровная, белая, без ручки, без скважины, без единой зацепки для руки.

И Дом Первых Вещей, который Элиан знал всю жизнь как самое спокойное место на свете, зашевелился.

Шкаф у стены поехал вбок — сам, тяжело, со скрипом дерева по камню — и встал так, чтобы заслонить дверь. Не заслонил: дверь оказалась выше. Тогда погасли лампы у той стены, одна за другой, будто Дом отводил от двери свет. Лестница, что вела на верхнюю галерею, втянула нижние ступени, как поджимают лапу. В соседней комнате сама собой затворилась зелёная дверь — обычная, всегдашняя — и щёлкнула, отрезая проход.

— Здание захватывает аномалия, — сказал Арден. Он отступал, заслоняя собой детей, которых уже не было: все, кроме Элиана, остались снаружи. — Уводи его, Илма. Немедленно.

— Идём, — Илма тянула прут решётки, но решётку заперли снаружи на время Обряда, и отпирать её Дом не спешил. — Элиан. Отойди от стены.

Но Элиан не отходил. Он смотрел и считал — по привычке, которая делала мир понятнее, — и в этот раз счёт сказал ему странное.

Шкаф закрыл дверь не от Илмы. Лампы погасли не для Ардена. Лестница поджалась перед той стороной, где стоял он. Всё, что делал Дом, он делал, повернувшись к одному человеку.

— Он прячет её не от аномалии, — сказал Элиан. — Он прячет её от меня.

— Что за этой дверью? — спросил Элиан.

Он спросил громко, прямо, как спрашивают дверь, за которой кто-то есть. Ничего не случилось. Дверь осталась белой и глухой.

— Спрашивай не так, — Арден шагнул ближе, и в голосе у него было что-то от прежнего хранителя, который тридцать лет знал, как устроены двери. — Кто создал эту дверь? Кто её открыл?

Тишина. Белое не дрогнуло.

— Не открывай её, — сказала Илма из-за решётки. — Элиан. Что бы ты ни придумал — не открывай.

И вот тут белая поверхность стала теплее. Элиан не касался её — он чувствовал тепло на расстоянии ладони, как от печи. Дверь потеплела не от вопросов Ардена и не от его собственных. Она потеплела от слов Илмы. От «не открывай».

Элиан понял. Понял не умом, а той же счётной частью себя, что складывала шаги и капли: дверь не отвечает на «что» и «кто». Дело не в том, что за ней и кто её сделал. Дело в том, что её не должно быть — и все в этой комнате знают, что её не должно быть, и всё равно она есть. Дверь держалась на противоречии. И открыть её могло только противоречие, названное вслух.

Элиан выпрямился. Он смотрел на дверь и говорил уже не ей — а тому, что держало её, и Дом, и всех в этой комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.